

КРЕАТИВНАЯ СТОИМОСТЬ В КОНТЕКСТЕ ИННОВАЦИОННОГО РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Инновационное развитие предполагает обновление не только институтов общества, но и его хозяйства, ее фундаментальных принципов и конструктов, а, тем самым, и определенный пересмотр прежних научных подходов к организации национальной экономики. Диалектика как теория познания исходит из того, что все явления находятся в развитии.

Рассмотрим *стоимостное отношение* не как технологическое (т.е. не как отношение работника, субъекта труда к предмету труда и к самому труду как к объекту), а как социальное (т.е. как отношение, возникающее между людьми по поводу труда, его объекта и предмета). Социальная структура стоимостного отношения также оказывается двойственной: субъектно-субъектной и субъектно-объектной. Можно выделить две сферы: технологическую ($S \leftrightarrow O$) и социальную ($S \leftrightarrow S$). Креативность самого отношения стоимости как социальной коммуникации, как связи между людьми, таким образом, также может рассматриваться в контексте технологической и социальной сфер системы социально-трудовых отношений.

Креативность определяется творческими способностями личности субъекта труда. Она трактуется некоторыми исследователями как способность личности распознавать и ассимилировать в трудовой деятельности побочный продукт, создающийся в процессе трудовой деятельности, но не имеющий непосредственного отношения к поставленной перед работником цели. Это определение считается довольно узким, а в

определенном смысле и неправильным пониманием креативности¹.

В условиях информационного общества креативность все чаще связывают с умением человека использовать получаемую информацию в определенных параметрах времени и места. При этом креативность рассматривается как одна из сторон интеллекта. Например, Дж. Гилфорд пытался определить креативность посредством познавательных переменных. Он выделил шестнадцать гипотетических интеллектуальных способностей, характеризующих креативность. Среди них: беглость мысли (количество идей, возникающих в единицу времени), гибкость мысли (способность переключаться с одной идеи на другую), оригинальность мышления, любознательность, способность к разработке гипотезы, иррелевантность, способность переключаться с одной роли на другую в процессе обсуждения (защита, оппонирование), способность к фантазированию. Дж. Гилфорд объединял эти факторы под названием «дивергентность» мышления, которые проявляются тогда, когда проблема только еще должна быть определена и когда не существует заранее предписанного, устоявшегося пути ее решения².

Тем самым, можно отметить два аспекта в методологии исследования креативности. Первый аспект связан с использованием деятельностного подхода, в соответствии с которым креативность по сути отождествляется с творческой деятельностью. Второй аспект связан с тем, что креативность относится почти исключительно к мыслительной деятельности.

Можно также отметить, что в большинстве определений креативности и творчества, не зависимо от того, носят ли они

¹ Стожко К.П. Экономическое сознание. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та. 2002. С. 120.

² Гилфорд Дж. Три стороны интеллекта // Психология мышления. М., 1965.

обобщенный или частный характер, просматривается ориентация на продуктивную сторону такой деятельности. Например, Я.А. Пономарева рассматривает креативность и творчество как особый тип взаимодействия, ведущий к развитию¹. С.Л. Рубинштейн определяет креативность и творчество как деятельность, «созидающую нечто новое, оригинальное»². А.М. Матюшкин определяет творчество как выход за пределы уже имеющихся знаний, преодоление и даже «опрокидывание» границ³. М.Г. Ярошевский считает, что «творчество означает созидание нового, под которым могут подразумеваться как преобразования в сознании и поведении субъекта, так и порождаемые им, но отчуждаемые от него продукты»⁴.

Можно согласиться с мнением о том, что приведенные определения креативности и творчества «содержат некоторое ограничение. Сущность творчества проявляет себя в творческих продуктах: идеях, поведении, материальных объектах. В то же время описание результатов творчества, продвигая нас к познанию его сущности, не дает полного представления об этом феномене»⁵.

В.М. Бехтерев определял творчество как созидание чего-либо нового в ситуации, когда проблема-раздражитель вызывает образование доминанты, вокруг которой концентрируется необходимый для решения запас опыта⁶. В этом определении представляет интерес вопрос о самой доминанте, под влиянием которой возникает и развивается креативность – творчество. Было бы логично предположить, что такой доминантой является труд.

¹ Пономарев Я.А. Психология творчества. М.: «Наука», 1976. С. 21 – 44.

² Рубинштейн С.Л. О мышлении и путях его исследования. М., 1958; Он же. Бытие и сознание. М., 1957.

³ Матюшкин А.М. Психологическая структура, динамика и развитие познавательной активности // Вопросы психологии. 1982. № 4. С. 5 – 17.

⁴ Стожко К.П. Указ. соч. С. 121.

⁵ Стожко К.П. Указ. соч. С. 121.

⁶ Бехтерев В.М. Объективная психология. 3-е изд. СПб., 1910.

И действительно, трудовая деятельность является определяющей в общей структуре человеческой деятельности. При этом логично выглядит и разделение самих понятий «креативность» и «творчество» как потенциального и актуального «состояния» трудовой деятельности. Пользуясь терминологией И. Канта их можно было бы соотнести как «вещь в себе» и «вещь в ее инобытии».

«Учитывая, что носителем творчества является человек, а креативность – его неотъемлемый атрибут, логично определять креативность как способность человека к конструктивному, нестандартному мышлению и поведению, а также осознанию и развитию своего опыта»¹.

Взаимосвязь креативности (творчества) и труда очевидна. «Духовное производство» (идей, проектов и т.д.) также требует от человека физических, умственных и нервных усилий, как этого требует и материальное производство. Идеи и проекты не возникают ниоткуда. Однако здесь встает вопрос о том, каков, выражаясь словами И.-Г. Фихте, «первичный толчок» для такой креативности.

С позиций материалистической диалектики в качестве такого толчка берутся потребности индивида, удовлетворение которых будто бы предполагает креативные способности. Однако, этого явно не достаточно для объяснения природы креативности, поскольку многие достижения науки, искусства и культуры не имели прямого отношения к этим потребностям. С другой стороны, помимо потребностей роль «первичного толчка» креативности может сыграть подсознание. И тогда встает вопрос, а всегда ли творчество имеет строго обозначенную цель и в этом смысле оно логически сопоставимо с трудовой деятельностью?

¹ Стожко К.П. Указ. соч. С. 122.

Или творчество может и не иметь строго определенной цели, и тогда оно – особая форма человеческой деятельности?

Большинство исследователей полагает, что креативный процесс – это форма активности в проблемном поиске, сознательная и целенаправленная попытка расширить существующие границы знаний, разрушить существующие ограничения. С другой стороны, существует точка зрения, согласно которой креативные продукты рассматриваются как результат случайного стечения обстоятельств. Промежуточная позиция состоит в том, что креативный процесс инициируется неудачной попыткой в объяснении или не подтвержденной гипотезой, либо попыткой включить новые идеи в существующие знания, либо попыткой прорваться с помощью самоорганизации через существующий хаос¹.

Важной проблемой анализа диалектики креативности и стоимости является определение уровней их проявления. Ясно, что креативность проявляет себя на личностном уровне, тогда как стоимость – на общественном уровне. Иначе говоря, креативность присуща личности субъекта труда, а стоимость представляет отчужденный от него результат его креативного труда. Такое отчуждение стоимости от ее создателя как раз и делает труд «абстрактным».

Здесь стоимость и креативность выступают как два полюса одного диалектического противоречивого единства – между «абстрактным» и «конкретным трудом». А коли это так, то креативность не может быть вырвана из контекста этого противоречивого единства, истолкована вне понятия «*труд*».

Попытки некоторых исследователей определить креативность *бессознательным* (Р. Джонс, П. Ленгли) вряд ли могут быть строго последовательными. Хотя бы потому, что

¹ Стожко К.П. Указ. соч. С. 124.

последовательность – проявление логики, а логика – признак *сознательного*. В целом же, общий уровень креативности труда и создаваемой им стоимости может быть определен только в исторической перспективе, т.е. в диахронии¹.

Принцип историзма, взятый в его применении к стоимости, позволяет обнаружить тот факт, что стоимость вполне исторична и в каждую конкретную эпоху имеет собственное содержание и структуру. К. Маркс, как известно, анализировал капиталистическое производство. В связи с современными реалиями (попытками построения капитализма в России) этот анализ вновь становится актуальным. Поэтому внимание к сущности, содержанию и структуре трудовой стоимости обосновано. Но это не означает, что не может быть никакой иной трудовой стоимости. Речь идет именно о сущности *трудовой* стоимости, а не о ее превращенных формах.

Многие исследования конца XX в. по проблеме креативности показывают, что творческие личности по сравнению с людьми не творческими, обладают большими умственными способностями и большей степенью активности. Это – первый фактор исторического изменения сущности трудовой стоимости. Вторым фактором является само постиндустриальное общество (внешняя среда), в которой живет творческий человек. Это общество пришло на смену индустриальному обществу и характеризуется своими особыми параметрами. Довольно удачный сравнительный анализ «традиционного», «индустриального» и «постиндустриального» общества дано В.А. Спиваком, который отмечает, что для «индустриального» общества характерны следующие признаки:

¹ См.: *Торшина К.А.* Современные исследования проблемы креативности в зарубежной психологии // Вопросы психологии. 1998. № 12. С.130.

- основная сфера экономической деятельности – вторичная, т.е. промышленность;
 - специфическая форма социальной организации – корпорация;
 - основная цель – деньги;
 - ведущая роль – принадлежит бизнесменам;
 - мотивация – на удовлетворение первичных потребностей;
 - определяющий фактор общественного развития – уровень развития науки и техники;
 - характерные черты: глубокое разделение труда и кооперация труда, массовое производство, механизация и автоматизация;
 - классовое деление общества.
- «Постиндустриальное» или «технотронное» общество, живущее в условиях информатизации, выглядит несколько иначе:
- преобладает третичная сфера экономической деятельности – сфера услуг, наука и образование;
 - цель – знания, информация;
 - в бизнесе ведущую роль играют ученые, профессиональные специалисты, менеджеры – консультанты;
 - мотивация ориентирована на удовлетворение высших потребностей (первичные в основном удовлетворены);
 - основа поступательного движения общества – кибернетика, высокие технологии, отраслевое и профессиональное разделение труда;
 - движущий фактор – технологические революции;
 - организационная система, определяющая научно-технический прогресс, – университеты;
 - профессиональное деление общества вместо классового (в идеале)¹.

¹ *Спивак В.А.* Корпоративная культура. СПб.: «Питер», 2001. С. 31.

Внимательный анализ этих характеристик свидетельствует о том, что и по *цели*, и по *составу* тех, кто создает стоимость, новое общество – это общество, в котором сама стоимость как общественно необходимый труд, воплощенный в продукте, изменяется не формально, а по существу. Да, современное российское общество живет в условиях капитализма, и труд работников в своей массе – наемный. Да, существует эксплуатация, что делает создаваемую таким трудом стоимость по существу капиталистической. Но в структуре наемного труда постоянно и неуклонно возрастает доля творческого труда. В творчестве субъект труда реализует свои главные способности – физические и духовные способности к труду. Удивительный исторический симбиоз «наемного» и «творческого» труда имеет место быть вопреки наукообразным представлениям о том, что только «свободный» труд может быть творческим. Он удивительным образом опровергает наши упрощенные представления о свободе как единственной или, на худой конец, главной детерминанте творчества. Оказывается что ценность свободы – это сугубо функциональная ценность, над которой в системе ценностей нашего бытия стоят все-таки абсолютные ценности. Именно они определяют творчество как таковое и являются «первичным толчком» для появления креативности. А свобода, равенство, социальная справедливость и т.д. – это очень важные, но далеко не «определяющие», не ключевые ценностные детерминанты креативной стоимости. Хорошо, когда они есть, но даже в рабовладельческих обществах и в крепостной России люди, обладавшие ничтожной толикой свободы или вовсе ею не обладавшие, проявляли свою креативность и занимались творческой деятельностью.

Кстати, степень свободы наемных работников в капиталистических предприятиях последние несколько

десятилетий существенно возрастала. В связи с этим в науке появились «соответствующие» теории «демократизации собственности», «диффузии капитала» и т.д. В условиях российского капитализма происходит все с точностью наоборот. Наблюдается общее сокращение доли внутренних акционеров, концентрация акционерного капитала в руках узких группировок и т.д.¹ Сравнивая развитие демократических тенденций в системе корпоративных отношений в России и за рубежом, некоторые авторы пишут о концепции «демократического капитализма», автором которой является американский философ и экономист Луис Келсо². Этот исследователь исходил из «бинарной» или двухфакторной модели, при которой человек одновременно должен являться и субъектом труда, и субъектом капитала. Однако, такая «бинарная» теория оказалась в вопиющем противоречии с экономической политикой и реальными экономическими отношениями в начале XX в.

Это можно объяснить тем, что труд и капитал в условиях капиталистической «общественной формы» труда остаются принципиальными антагонистами. Любые попытки построения «народного», «демократического капитализма, «капитализма для каждого» остаются *благими пожеланиями* до тех пор, пока человечество не перейдет от стадии наемного репродуктивного труда к фазе *свободного креативного труда*. «Подлинная свобода – это свобода духа» (Н.А. Бердяев). Для обретения такой свободы необходимо сначала обрести духовность.

Именно в контексте обретения человеком духовности следует рассматривать утверждение о том, что «человек есть по природе своей творец, созидатель, строитель жизни, и жажда

¹ См.: Кокорев А. Изменение структуры собственности // Журнал для акционеров. 1998. № 7.

² Бердяев Н.А. Спасение и творчество //Русская философия. Конец XIX – начало XX века. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1993. С. 183.

творчества не может в нем угаснуть»¹. Иначе говоря, субъектом творчества выступает не индивид, а личность. В этом – принципиальное расхождение между русской и западноевропейской философской традицией в последние два столетия. В связи с этим необходимо отметить тот факт, что сегодня уже не подтверждается хозяйственной практикой тезис о том, что «капиталистический индивид» создает не только собственную выгоду (иначе его алчность не знала бы пределов), но и выгоду партнера»². Упрек А.И. Кравченко в адрес М. Вебера обусловлен, видимо, тем, что автор не учел характера общества, в котором «целерациональность» и «ценностная рациональность» совпадают. А Смит, автор известного тезиса о «невидимой руке» Божественного провидения, которая обращает эгоизм и рационализм, в служение и взаимную выгоду, имел в виду нравственное религиозное (пуританское) английское общество конца XVIII в., а не то, развращенное цивилизацией капиталистическое общество, в котором жил М. Вебер и не современное российское общество.

А.И. Кравченко пишет о том, что «примерами рабочего-«собственника» могут служить такие социально-профессиональные группы, как мелкие крестьяне, ремесленники, лодочники и возчики, действующие в условиях полной рыночной свободы»³. На этой «основе» автор искренне полагает, что возможно примирение между трудом и капиталом. Но вряд ли справедлив тезис о «полной рыночной свободе» мелких предпринимателей в условиях капиталистической «общественной формы» труда, поскольку массовые разорения представителей мелкого и среднего бизнеса и отсутствие сколько-нибудь

¹ Бердяев Н.А. Указ. соч. С. 183.

² Кравченко А.И. Социология Макса Вебера. Труд и экономика. М.: «На Воробьевых». 1997. С. 122.

³ Кравченко А.И. Указ. соч. С. 68.

массового среднего класса в нашем обществе данный тезис не подтверждают. А известно, что не умозаключения, а «практика – критерий истины».

Попытки «объединить» капиталиста и наемного работника в общем усилии по созданию стоимости не состоятельны в силу социального характера разделения общественного труда, преодолеть которое в условиях капиталистической «общественной формы» труда нельзя. Это не возможно в силу принципиально различного характера ценностей труда и ценностей капитала. Как этические императивы (повелевающие требования), ценности труда ориентируют субъекта труда на повышение качества самого труда и создаваемого им продукта. Ценности капитала, наоборот, ориентируют субъектов экономических взаимоотношений на повышение производительности труда и объема выпускаемых товаров. О качестве здесь вопрос практически не стоит. А утверждения о том, что конкуренция побуждает производителей совершенствовать качество труда и продукта с лихвой «перекрываются» технологиями агрессивного маркетинга, навязчивой рекламы, контрафактной продукцией и иными «достижениями» современного капитализма.

Рассматривать отделение (отчуждение) работника от средств производства, как это делал М. Вебер, в качестве важного стимула повышения даже производительности труда, не говоря уже о его качестве, это все равно что «сравнивать вкус яичницы с высотой телеграфного столба». Но именно так и поступал М. Вебер, когда полагал, что абсолютные ценности не применимы для оценки качества труда. Рассматривая такие абсолютные ценности как результат религиозных ориентаций индивида или его высокой привязанности к социальным ценностям, он утверждал, что в этом случае уважением пользуются какие-то

конкретные виды работы и не пользуются другие, например, частнопредпринимательская деятельность, осуждаемая за склонность к стяжательству. Например, православие осуждало или, во всяком случае, не поощряло стяжательство, накопительство, страсть к наживе¹.

Рассуждая о преимуществе протестантизма, которое рассматривало рациональную предпринимательскую деятельность (бизнес) в качестве способа служения Богу, М. Вебер приводит пример такой пример. Установка рабочего трудиться, взятая в его отношении к собственной семье, – это установка «альтруистическая», Она характерна для всех рабочих, следовательно, выступает как универсальная «альтруистическая» установка, как типичный элемент морального долга трудиться *вообще*. Здесь, однако, не капиталистический характер производства создает такую установку, а ограниченность ресурсов. Принцип ограниченности ресурсов является универсальным для любой «общественной формы» труда и для любых формаций или цивилизаций. В условиях современного глобализма он еще больше актуален в связи с истощением этих самых ресурсов. Именно поэтому труд является средством выживания человека. И таким «средством выживания» его сделал отнюдь не капитализм.

Другое дело, когда мы рассуждаем о превращении труда в потребность человека, а не в его обязанность, не в его долг. Потребность в труде обусловлена самим содержанием и характером труда, который в рамках его капиталистической «общественной формы» явно «не вдохновляет» наемного работника совершенствовать качество труда и создаваемого им продукта. Никакая конкуренция здесь ничего принципиально изменить не могут. Связано это с тем, что стоимость создает

¹ Weber V. Economy and Society An Outline of Interpretive Sociology. Berkeley: University California Press. 1978. Vol. 1. P. 151.

рабочий, а распоряжается ею и присваивает ее значительную часть капиталист. И хоть как его назови – предприниматель, бизнесмен, арматор, негоциант, – суть остается прежней. В связи с этим необходимо заметить, что именно порочность капиталистической «общественной формы» труда является одной из причин того, что наемный труд в своем стремлении обрести свободу и стать непосредственно-общественным трудом, существенно трансформируется в начале XX века. Он уходит из *публичной* сферы, из корпораций, цехов, компаний в *частную* сферу, становясь надомным, индивидуальным. Растут масштабы теневой экономики. Наконец, активизировался процесс восстановления *некапиталистических* форм его организации (артели, ассоциации, кооперативы и т.д.). Обладая не сопоставимым с прошлыми столетиями уровнем образования и владея соответствующими технологиями, современный человек пытается все чаще трудиться не на начальника и не на хозяина, а самостоятельно и только на себя. Но такая трансформация «общественной формы» труда не может не сказываться на его содержании, его общем характере, и, соответственно, на создаваемой им стоимости. Стоимость в этих условиях все в большей степени становится результатом креативного труда, сбрасывающего с себя «оковы» капиталистической «общественной формы».

И здесь постепенно обнаруживается фундаментальное противоречие между капиталистической «общественной формой» труда и его созидательной сущностью, которая пытается сконцентрироваться вне общественного производства и реализовать себя на уровне личности. «Буржуазное общество наносит смертельный удар культуре главным образом не извне, используя те или иные мотивы, а изнутри, очищая ее от реальных

проблем, которые только и могут быть ее мерой, и лишая порыва, без которого она обойтись не может»¹.

Это касается и культуры труда, которая все больше выхолащивается, формализуется, подменяется различного рода технологиями, процедурами, условностями и ненужными (чаще всего вредными) формами контроля со стороны бюрократии. И здесь даже «либерализм оказывается утопией», поскольку «капитализм защищает инициативу и свободу небольшого числа людей, поработавшая всех остальных»². Даже о полноценной автономии самой личности, не то, чтобы свобода труда и творчества говорить уже не приходится. Потому что «личность – это духовное существо, конституируемое, как таковое, способом существования и самостоятельностью в своем бытии; она поддерживает это существование посредством принятия некоторой иерархии свободно применяемых и внутренне переживаемых ценностей, посредством ответственного включения в деятельность и постоянно осуществляемого обращения; таким образом, она осуществляет свою деятельность в свободе и сверх того развивает посредством творческих активностей свое призвание во всем его своеобразии»³.

Капиталистическая «общественная форма» труда обезличивает ценности. А в предельном (крайнем) случае подменяет их псевдо-ценностями рационализма и гедонизма. Она сводит высшее в человеке к низшему, полет ума к спазмам желудка, продуктивно – творческое воображение – к схемам индивидуального обогащения, сущность самого человека – к его физиологической составляющей. Общество, основанное на дегуманизированных и обезличенных ценностях, подобно дому, разделенному внутри себя: оно не устоит. Оно, это общество,

¹ Мунье Э. Манифест персонализма: Пер. с фр. М.: «Республика», 1999. С. 343.

² Мунье Э. Указ. соч. С. 143.

³ Мунье Э. Указ. соч. С. 301.

порождает вместо *товарищества* – конкуренцию. Оно провоцирует внутреннее одиночество человека, отщепенство, отчуждение, социальную и имущественную дифференциацию. Оно ведет к расколу самого труда, в котором креативный труд все в большей мере становится уделом избранных. Но это фундаментальное противоречие, поскольку в условиях информационного общества именно креативный труд определяет характер и масштабы создаваемой им стоимости. Как тормоз на пути развития творческого труда его капиталистическая «общественная форма» подлинный смысл труда, создающего стоимость как общественно-необходимое социально-трудовое отношение, подменяет видимостью – получением прибыли и извлечением денег. В такой системе «деньги являются ключом к командным постам и власти». И здесь «неограниченная власть индивидуального хозяина над отдельным рабочим в начальном периоде капитализма кажется человечной по сравнению с непомерным потенциалом угнетения и монополией на инициативу, накопившуюся в силу концентрации финансовой власти, осуществляемой гораздо быстрее, чем концентрация промышленной власти, в руках одной олигархии. Эта власть меньшинства держит в своих руках и центры, и перекрестки, подчиняет себе и правительства, и общественное мнение»¹.

Выступая против капиталистической «общественной формы» труда Э. Мунье особое внимание обращал на характеристику труда при капитализме. Он писал: «Труд является единственным собственно личностным и плодотворным агентом экономической деятельности; ответственность может принадлежать только трудящимся. Примем ли мы из-за этого идеологию труда? Нет. Труд не является первичной ценностью человека потому, что он не составляет ни его деятельность, ни

¹ Мунье Э. Указ. соч. С. 358.

существо его деятельности как таковой: жизнь разума и жизнь любви превосходит его по своему духовному достоинству. < > Труд всегда является более или менее вынужденным. < > Следовательно, он не может нести светлую радость или быть высшим блаженством для человека. Вместе с тем, он обладает своим достоинством и своей радостью. Последнее не зависит ни от производительности, ни от пролитого пота, ни от богатства, которое он производит, а, прежде всего, от того, что труд сам по себе является естественным осуществлением активности, а не каким-то оскорбительным рабством»¹.

При всей противоречивости этих суждений обращает на себя внимание признание труда в качестве *естественной* характеристики личности. Но и стремление к творчеству, к свободе также являются *естественными* характеристиками личности. Сковывая эти стремления, ограничивая реальную свободу личности ее формальной свободой, регламентируя содержания труда разными модификациями тейлоризма, современный капитализм вынужден внутренне трансформироваться и приспособливаться к условиям глобальной экономики и информационного общества. Одним из проявлений такой адаптации может служить расширение «прав и свобод» субъектов творческого труда, существенное изменение в лучшую сторону условий их труда, в том числе и условий оплаты. Это касается в первую очередь научного труда как концентрированного выражения инновационного и креативного труда.

Несмотря на значительную бюрократизацию внутри самой науки, для многих исследователей даже в условиях капиталистической «общественной формы» научного труда сохраняются достаточно благоприятные условия. Например,

¹ Мунье Э. Указ. соч. С. 365.

когда оплата труда ученых осуществляется по конечному результату. Однако, несмотря на кажущуюся справедливость оценки по конечным результатам, только эта форма (без учета научного статуса) не обеспечивает эффективной деятельности организаций в достаточно длительной перспективе и, особенно, при существующей неопределенности внешних условий»¹.

В связи с этим особый акцент в современном информационном обществе делается именно на инновационный и креативный труд. В большинстве индустриально развитых стран инновационный подход к труду является преобладающим. Но между собой понятия «инновация» и «креативность» могут быть соотнесены как обновление и усовершенствование. Употребив впервые в 1912 г. термин «инновация» (*innovatio – введение чего-либо нового*), Й.А. Шумпетер подразумевал осуществление предпринимателем новых комбинаций уже имеющихся факторов производства. В целом, под инновацией он предлагал понимать внедрение новых товаров, технологий, овладение новыми источниками сырья и т.д.². Сегодня этот подход оценивается весьма высоко, хотя в самом определении инновации выявляют определенные недостатки³.

Однако, среди недостатков, присущих пониманию инновации Й.А. Шумпетером, традиционно «не замечают» ее оторванности от теории стоимости. Извратив теорию стоимости Аристотеля, Й.Ф. Шумпетер полагал, что «Аристотель не предложил никакой теории меновой стоимости или цены», а позднейшие «историки сделали вывод, что он имел в виду некую

¹ Генкин Б.М. Экономика и социология труда. М.: «Норма», 1998. С. 300.

² Шумпетер Й.Ф. Теория экономического развития: Пер. с англ. М.: «Прогресс», 1982. С. 283 – 309.

³ См.: Иваницкий В.П. Инновационное развитие России в условиях рыночной экономики // Многополярный мир как глобальная альтернатива и взгляд России. Доклады / Под ред. В.Д. Первалова. Екатеринбург: Урал. гос. юрид. Академия, 2012. С.131 – 132.

таинственную объективную или абстрактную стоимость вещей, которая им внутренне присуща и не зависит от обстоятельств или оценок и действий людей. Такая метафизическая сущность больше всего нравится людям с философскими наклонностями и отвратительна для людей с более «позитивистским» складом ума»¹.

Сведя отношение между производителем и потребителем к меновой стоимости, Й.Ф. Шумпетер практически отождествил ее со стоимостью. Однако он не учел, что в каждом конкретном случае меновая пропорция как количественная характеристика такого отношения всегда индивидуальна, а, следовательно, один и тот же товар может обмениваться по разным ценам. В действительности же мы видим иное: товары предлагаются разным потребителям по одним и тем же ценам. Даже больше, попытки манипулировать ценами в зависимости от половой, расовой или профессиональной принадлежности потребителя, равно как и его информированности, образованности и культуры признаются обществом злоупотреблением и называются ценовой дискриминацией, инициаторы которой несут административную и уголовную ответственность.

«Метафизический» смысл стоимости как раз и раскрывается в характеристике «объективно необходимого» труда, который «великий» Й.Ф. Шумпетер попросту «просмотрел». Поэтому его заявление о том, что проведенное им «расследование» будто бы «раз и навсегда позволяет покончить с метафизическими спекуляциями об объективной или абсолютной стоимости»² представляется, пользуясь выражением М. Твена, «слегка преувеличенным».

¹Шумпетер Й.Ф. История экономического анализа // Истоки. Вопросы истории народного хозяйства и экономической мысли. Вып. 1. М.: «Мысль», 1989. С. 296.

²Шумпетер Й.Ф. История экономического анализа. С. 297.

Больше того, без понимания объективного характера стоимостного отношения сама теория инновации как бы повисает в воздухе, выхолащивается, становится беспредметной. Для того, чтобы каким-то образом придать этой теории предметность, ее сводят к интеллекту.

При этом все существующие определения инновации сводятся к двум основным подходам: предметно-технологическому и функционально-деятельностному¹.

Интеллектуализация инновационной теории широко распространена в современной литературе. Так, П.Н. Завлин определяет инновацию как «использование в любой сфере общества результатов интеллектуальной (научно-исследовательской) деятельности для совершенствования процесса деятельности или его результатов (производство, экономические, правовые, социальные отношения, область науки, культуры, образования и другие сферы деятельности общества)»². Во многом схожего мнения придерживается Т.И. Волкова, которая пишет: «Мы считаем, что при характеристике интеллектуального труда следует особо подчеркнуть, что это продукт творческого труда»³. Однако, необходимо отметить, что в одном случае мы видим весьма «расширительный» подход к пониманию инновации, который связывается с деятельностью в целом, а, в другом случае, «конкретизированный» подход, когда понятие инновации связывают только с трудом, причем с трудом творческим. Позиция Т.И. Волковой представляется более логичной, поскольку производство знаний (обновление) – это результат научного труда. То, что такой труд не всегда и не во всем бывает творческий – вопрос отдельный. Но инновация

¹ См.: *Татаркин А.И., Суховой А.Ф.* Ключи к мировому рынку: инновационное предпринимательство и его возможности. М.: «Экономика», 2002. С. 11.

² *Завлин П.Н.* Инновационный менеджмент. СПб.: «Наука», 1997.

³ *Волкова Т.И.* Воспроизводство творческого потенциала науки. Екатеринбург: ИЭ УрО РАН, 2004. С. 21.

действительно обусловлена творческим характером труда в целом. Однако инновация характеризует процесс труда на его первичном уровне, когда сама инновация рассматривается безотносительно системы высших, абсолютных ценностей. В лучшем случае, инновация обусловлена функциональными ценностями (полезностью, экономичностью, простотой потребления, эргономичностью и т.д.). Но не высшими ценностями собственно человеческого бытия (истины, добра, красоты, любви и т.д.). В этом случае можно производить, например, самые мощные (эффективные) системы оружия, способного уничтожить сотни и тысячи людей, но рассуждать в этом случае о духовном содержании такого инновационного труда оказывается бессмысленно. Поэтому, то обстоятельство, что в литературе «чаще всего интеллектуальный труд рассматривается как результат духовной деятельности»¹, требует существенной коррекции.

В связи с этим отметим наличие в анализе инновации трех основных вариантов: функционального, атрибутивного и предметного. С позиций функционального варианта анализа инновация рассматривается как процесс намеренного внесения изменений в технологию и организацию труда (Й.Ф. Шумпетер). С позиций атрибутивного варианта анализа инновация представляется как реакция субъекта труда на изменение запросов потребителей (Й. Вальковский, В.Г. Зинов и др.). С позиций предметного варианта анализа инновация рассматривается как определенный набор конкретных признаков человеческой деятельности (изобретательство, рационализация, экспериментирование, импровизация и проч.). Подробный обзор трактовок инновации дал В.П. Иваницкий². В основе современных оценок инновационной деятельности лежит закон

¹ Волкова Т.И. Указ. соч.. С. 20.

² Иваницкий В.П. Указ. соч. С. 135 – 140.

ценностного приоритета умственного труда перед физическим, который был открыт еще в античную эпоху, а «теоретически обоснован в новое время впервые Г. Зиммелем»¹. Но возникает вопрос о том, почему именно умственный труд имеет ценностный приоритет перед физическим трудом? То обстоятельство, что результатом умственного труда выступают идеи, проекты, знания, информация, отнюдь не снижает значимости физического труда, благодаря которому все это материализуется. Ценностная теория труда Г. Зиммеля строится на его представлении о наличии двух миров: материального (мир вещей) и идеационального (мира идей). Но конечный пункт его рассуждений по поводу приоритета умственного труда перед физическим сводится к тому, что духовное производство предшествует материальному производству.

В связи с этим представляется искажением логики Г. Зиммеля утверждение о том, что «продукт труда зарождается в материальном мире, ибо создается физическими усилиями, но принадлежит и получает свое истинное значение (ценность) в другом, идеациональном мире, где функционирует как товар, сгусток экономических отношений»². На самом деле продукт (товар) «зарождается в голове субъекта трудовой деятельности, т.е. как идеальное (мысль). И только затем продукт (товар) «создается» в материальном мире, т.е. опредмечивается и овеществляется. То обстоятельство, что создаваемый продукт будто бы приобретает ценностное значение только в материальном мире, представляется искажением логики хотя бы потому, что замысел (проект) создания такого продукта может осуществляться сознательно лишь в том случае, если производитель уже *apriori* понимает его как благо, как ценность.

¹ Кравченко А.И. Указ. соч. С. 44.

² Там же. С. 42.

Инновационный компонент творческого труда отражает как бы низший пласт в содержании творческого труда. Он, этот пласт, естественно необходим для творчества, но он не исчерпывает весь смысл творчества. Важнейшим признаком творчества является креативность, как способность создавать не просто новое, а объективно более качественное и совершенное. В связи с этим стоимость общественного продукта в той мере приближается к характеристикам качества и совершенства, в какой создающий эту стоимость творческий труд развивается от инновационной предметности к духовной предметности. Основной тренд такого развития – это воплощение трудом в создаваемых им продуктах и общественных отношениях высших ценностей, образов, идеалов и образцов.

В информационном обществе стоимость изменяется в той мере, в какой изменяется сущность, характер и содержание самого общественного труда. Как отмечал М. Кастельс, «поскольку информационализм основан на технологии знания и информации, в информациональном способе развития имеется особо тесная связь между культурой и производительными силами, между духом и материей»¹. Однако, отмеченное нами выше противоречие между капиталистической «общественной формой» труда и культурой объективно ведет к существенной трансформации капитализма как такового. Снижение степени эксплуатации наемного труда становится возможным как за счет ухода массового субъекта труда в сферу частного хозяйства (благодаря компьютеризации процесса труда), так и за счет традиционного давления организованных наемных работников на работодателей (в целях улучшения условий труда). Мы не ставим знак равенства между «информационным» обществом и «постиндустриальным» обществом. Исследование различий

¹ Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество, культура. М., 2000. С. 40.

между этими двумя понятиями не относится к предмету нашего исследования. Вместе с тем, можно согласиться с суждением о том, что «постиндустриальное» общество – это первая стадия развития «информационного» общества, переходная фаза от «индустриального» общества с абсолютным доминированием материального производства к «информационному» обществу с преобладанием производства информации»¹.

Изменение детерминант, обладающих доминирующим характером, обуславливает изменение и самого характера стоимости как воплощения в процессе труда и в его результате (продукте) нового смысла труда – труда по производству знаний и информации.

В.И. Копалов, М.А. Титовец

ПРАВОСЛАВНОЕ ПОНИМАНИЕ ЭКОНОМИКИ В РАБОТЕ С.Н. БУЛГАКОВА «ФИЛОСОФИЯ ХОЗЯЙСТВА»

В августе 2012 г., к столетию выхода работы Сергея Николаевича Булгакова «Философия хозяйства», профессор В.Ю. Катасонов, председатель Русского экономического общества им. С.Ф. Шарапова, опубликовал статью на портале «Русская народная линия», в которой отразил значение труда выдающегося русского мыслителя. «С.Н. Булгаков дал метафизическое осмысление хозяйства, хозяйственной деятельности человека и общества, выйдя за узкие, привычные рамки политической экономии (предметом которой, строго говоря, выступает не хозяйство, а «экономические отношения» в обществе по поводу этого самого хозяйства). Как экономист он попытался укрепить фундамент экономической науки (прежде всего, политической

¹ См.: *Латыпов И.А.* Информационное общество // Современный философский словарь. Лондон – Париж – Москва: «ПАНПРИНТ», 1998. С. 357 – 359; *Он же.* Информационное общество // Социальная философия: Словарь. М.: «Академический проект», 2006. С. 185 – 187; *Он же.* Социально-философские аспекты невещественной собственности в информационном обществе. Ижевск: «КнигоГрад», 2008. С. 132.